

УДК 94:351.74

П.А. Сунгуров

**СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦИИ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX в.**

Поиск оптимальных форм организации и функционирования институтов правопорядка во все времена имел чрезвычайную важность для поступательного развития Российского государства. Представленная работа освещает малоизученный сюжет функционирования полиции Тобольской губернии в пореформенный период. Специфика правоохранительной системы отдельного региона Западной Сибири крайне важна для анализа внутренней политики самодержавия по отношению к окраинам империи. Объективно несвоевременность и половинчатость реформ правоохранительных органов не способствовали повышению авторитета власти в регионе, накопившем множество экономических, политических и социальных противоречий.

Ключевые слова: полиция, Тобольская губерния, следствие, суды.

Запоздавшая в Сибири на 5 лет реформа полиции 1862 г. не внесла каких-либо кардинальных изменений в основной перечень обязанностей полицейских Тобольской губернии. Но 5 лет опоздания полицейской реформы нельзя сравнить с нежеланием власти проводить судебную реформу. В центральной части империи, учреждением судебных следователей от 1860 г., за полицией было оставлено только производство дознаний (дознание же должно было заключаться в сборе сведений, необходимых для удостоверения в том, что происшествие действительно было и что оно соединено с преступлением или проступком). В порядке производства осмотров, обысков, выемок, отображения показаний, а также в порядке сохранения вещественных доказательств полиция обязана была руководствоваться правилами Наказа судебным следователям. В Судебных Уставах 20 ноября 1864 г. было подтверждено отделение следственной части от полиции [1. С. 97]. В Сибири же, и в частности в Тобольской губернии, подобных изменений осуществлено не было. Затянув с реформой суда в Сибири до 1895 г., администрация лишала полицейское ведомство всяческих перспектив на модернизацию, оставив в его ведении до конца XIX в. судебно-следственные обязанности.

По мнению Е.А. Крестьянникова, судебными функциями в Сибири были наделены разные, многочисленные судебные и административные органы. Принцип разделения властей в крае не действовал [2. С. 32]. Н.М. Ядринцев указывал: «...В несчастных Тобольской и Томской губерниях неизвестно, где кончается полиция и где начинается суд – так тесно связаны они между собой. Земский заседатель в одно и то же время и полицейский чиновник, и судебный следователь, и верховный

вершитель судеб целого участка, имеющего подчас до 100 тысяч населения» [3. С. 541].

Немаловажными факторами, вносящими коррективы, в том числе и в судебно-следственные функции полиции Тобольской губернии, являлись ссылка и огромные размеры территории. Печальная репутация «края каторжников» подтверждалась даже служащими полиции: «Что же теперь делать, на то и Сибирь! Надо же ворами где-нибудь жить!» [4. С. 88–89]. Известный исследователь суда и полиции В.Я. Фукс заявлял следующее: «...Надо принять во внимание, что полиция в губернских городах, в градоначальствах и в столицах, действуя на относительно меньшем пространстве, имеет гораздо более сосредоточенную, а следовательно, и более удовлетворительную организацию, чем полиция уездная, ведению которой подлежит, вместе с уездным городом, и уезд, занимающий обыкновенно весьма обширное пространство. Но губернские города, градоначальства и столицы составляют на нашей необозримой территории центры более или менее исключительные, так что господствующим типом полицейской службы является у нас собственно полиция уездная» [5. С. 205].

Характеризуя первичное следствие, товарищ тобольского губернского прокурора в своем обращении к полицейским надзирателям и земским заседателям указывал: «...Сельские старосты или волостные старшины по тем или иным преступлениям забирают всех указанных на шатком основании очевидцами, препровождая их полицейскому чиновнику, который, даже не допрашивая приведенных к нему, составляет постановление и арестовывает всех лиц при волостном правлении, забывая иногда про их существование (один задержанный просидел без предъявления обвинения 4

месяца!)». При разбирательстве земским заседателем на местах оказывалось, что часть задержанных не имела отношения к преступлению; но, даже будучи оправданным, человек из острога выходил с клеймом заподозренного. Закон же предписывал допрашивать обвиняемого не позже чем через сутки после ареста. Следовательно, полицейским следователям предписывалось внимательнее относиться к своей деятельности в данной сфере [6. Л. 150].

Противоправные действия, которые чинили стражи правопорядка, нередко вызывали гнев не только местного гражданского общества, но и губернских властей. Тобольский губернатор в 1889 г., обращаясь ко всем полицейским управлениям, указывал, что полицейские надзиратели систематически не являются по требованию к следователю, тем самым нарушая 116 ст. XV т. 2 ч. изб. 1876 г., по которой лица, нужные к следствию и состоящие на службе, требуются через начальников по ст. 140 того же закона. Исполнение изложенных требований должно осуществляться немедленно, под опасением несения ответственности по закону [6. Л. 50].

Однако, по словам И.Т. Тарасова, такое пренебрежение со стороны полицейских к законным требованиям следователей, было широко распространено и в местностях империи, на которые была распространена реформа суда 1864 г. Антагонизм между судом и полицией доходил до того, что становые приставы и уездные исправники ставили себе в заслугу неисполнение требований следователя. Кроме того, неприязнь двух ведомств правопорядка, очевидно, была продиктована смещением в судебных должностях судебного и полицейского начал. Неустановленные правила организации полицейского розыска также не способствовали слаженным взаимоотношениям суда и полиции. Судебные следователи, не получая от полиции необходимых сведений о розыске, были вынуждены превращаться в полицейских. Таким образом, в сущности, круг лиц, производящих дознания, значительно расширился, а не сузился, причем в деле этом начали принимать участие такие лица, которые ни по своему служебному положению, ни по специальности своей, ни по характеру присвоенной им власти никоим образом для этого были не пригодны [1. С. 100].

В циркуляре тобольского губернатора от 6 марта 1893 г., адресованного всем окружным исправникам и тобольскому полицмейстеру, сообщалось о том, что по материалам делопроизводства общего губернского управления четко прослеживается значительная медлительность, допус-

каемая чинами полиции в исполнении указов Правительствующего сената. Были случаи, что указы сената оставались не исполненными по несколько месяцев и даже лет [6. Л. 219]. В истории правоохранительной системы Тобольской губернии имеются прецеденты, когда по причине медлительности, наблюдавшейся в деятельности полиции, ситуация с расследованием дел приобретала комичный характер. Примером этого может выступить ходатайство Логиновского волостного правления Тарского округа, поданное в губернское правление в 1889 г. В данном ходатайстве сообщалось, что помещения, отведенные для складирования вещественных доказательств, переполнены, следовательно, необходимо организовать для этих целей новое здание. По поводу изложенных обстоятельств губернское правление заявило, что всем волостным и полицейским управлениям следует быстрее возвращать находящееся на хранении имущество, таким образом, губернская власть указывала, что полиция должна более оперативно производить следственные действия [6. Л. 375–375об.].

Вопиющие нарушения, допускавшиеся чинами полиции при проведении судебно-медицинского освидетельствования, нередко становились предметом прокурорских проверок. В своем обращении, поданном на имя тобольского губернатора от 1889 г., исполняющий обязанности губернского прокурора указывал: «Рассматривая производство формального следствия чинами полиции, найдено, что когда чинам полиции нужно производить судебно-медицинское освидетельствование потерпевших или обвиняемого, отдается приказ сельской полиции отправить подлежащего освидетельствованию в местное полицейское управление, где врач и осматривает присланного. Очевидно, что такой порядок являлся противозаконным и неудобным как для освидетельствуемых, так и для врача. Противозаконен он потому, что следовательно в случаях, когда необходимо освидетельствовать причастное делу лицо, обязан вызвать на место врача к известному, заранее определенному времени, где вместе с врачом и в присутствии двух или более понятых, произвести освидетельствование. Вреден такой порядок следственных действий и потому, что, во-первых, иногда избитого, больного человека сельская полиция, не смотря ни на время года, ни на другие неудобства, строго исполняя приказ заседателя, ведут пешком или везут на телеге десятки верст, что часто окончательно подрывает здоровье больного; во-вторых, в случаях совершения преступлений против чести и целомудрия женщин, девушку, как преступницу, ве-

дут в местную полицию, объявляя всем по пути для какой цели это делается. Наконец, в полицейских управлениях производится освидетельствование без соблюдения каких бы то ни было формальностей, также врач совершенно пассивно относится к делу, не зная совсем обстоятельств его, подчас даже не приглашая понятых, так что, если бывает нужно проверить такое освидетельствование, то и спросить не с кого. Составляемые таким образом акты совершенно не соответствовали установленным законом судебно-медицинским протоколам и не могли считаться за судебное доказательство». Все указанные следственные недоработки приводили к тому, что люди попросту не обращались за помощью при совершении против них преступления [6. Л. 112–113об.].

Таким образом, можно заключить: полицейская реформа 1862 г. все же привела к кардинальным преобразованиям. Однако преобразования эти были не всегда во благо ведомства. Ряд поводов для критики не ликвидировался, а лишь видоизменился. По мнению В.Я. Фукса, жалобы на поли-

цию отовсюду в пореформенное время не превратились в редкость, правда, жалобы эти были уже не те, что прежде (жалобы на самовластие, лихоимство, произвол), жаловались на бездействие, обусловленное бессилием полиции [5. С. 201]. Подобная ситуация выглядела крайне странно ввиду того, что по реформе 1862 г. полиция освобождалась от различных имеющих к ней косвенное отношение функций. Объяснить это, кроме всего прочего, возможно тем, что служащие полиции были попросту недостаточно хорошо осведомлены о спектре своих должностных компетенций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тарасов И.Т. Полиция в эпоху реформ. СПб., 1886.
2. Крестьянников Е.А. Судебная реформа 1864 г. в Западной Сибири. Тюмень, 2009.
3. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1892.
4. Петров М. Западная Сибирь: губернии Тобольская и Томская. М., 1908.
5. Фукс В.Я. Суд и полиция. Ч. II. М., 1889.
6. ГУТО ГАТ. Ф. И-152. Оп. 37. Д. 789.